

Чехов А. П.
(фестиваль)

30.04.98

ХОЧУ ОЗНОБА! А НЕ ДАЮТ

Исх. клуб - 1998.
30 апр. - с. 5.

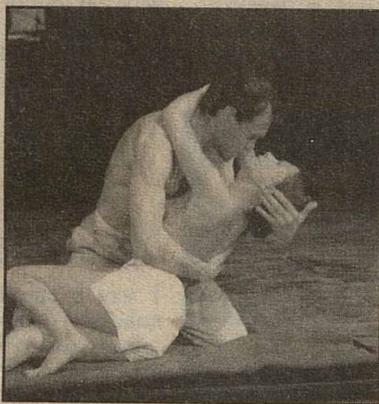
Третий международный театральный фестиваль им. А. П. Чехова

Хожу на фестиваль с почти маниакальным упорством. Возвращаюсь домой чаще всего к полуночи — европейские режиссеры, как правило, о метро не думают и во времени себя не ограничивают. (За исключением разве что Оливье Пи, который свое шестичасовое “Лицо Орфея” сократил до четырех с половиной часов.) Ломаю голову над загадками, которые так любят загадывать режиссеры, провоцируя публику на сотворчество. (Правда, она может и взбрыкнуть, возжадав прямолинейного и ясного искусства.) Тоскую по сильным и чистым эмоциям.

Одной из загаданных загадок оказалась “Нераскрытая тайна” бельгийского театра “Ультима Вез”. Режиссер-хореограф Вим Вандекейбус любит загадывать публике загадки, об этом можно судить и по названиям других его спектаклей, вроде “О чем не помнит тело”.

В “Нераскрытой тайне” танцующие артисты иногда произносят текст на английском, французском, немецком и чуть ли не итальянском. Но в отличие от привезенных только что безжаровских балетов, где тоже звучал текст и где нехитрая идея читалась как первая страница букваря, здесь ничего не хотелось переводить на язык плакатных идей. Все было наоборот, все “неправильно”, все дышало чувственностью борьбы полов, в которой не бывает победителей.

Впрочем, режиссер и сам, кажется, не собирался решать мировые проблемы в “Нераскрытой тайне”, сюжетной основой которой стала... ирландская считалка: “Один для грусти, двое для радости, трое для девочки, четверо для мальчика, пятеро для серебра, шестеро для золота, семеро для тайны, которая никогда не будет рассказана”. Отточенная стержневость, когда на сцене остаются

“Платонов. Пропущенный акт”.

одни женщины. Вялое дружелюбие, когда одни мужчины. А персонажами его “Тайны” стали не только большие мальчики и девочки, но и птицы, как в знаменитом фильме Хичкока, они следят за людьми, провоцируют, вскрывая их комплексы, навязывают, доводят до полусмерти, улетают и прилетают вновь.

Спектакль театра “Ультима Вез” был на фестивале почти что темной лошадкой и в списках особо престижных работ не значился, произведя между тем довольно сильное впечатление. А вот от чеха Петра Лебла и театра “Дивadlo на Забралди” ждали очень многого и не дождались. “Скажите даже хоть дерзость или пошлость, но чтоб было смешно и ново”, — восклицает в “Иванове” Саша, тоскуя о настоящих мужчинах и грандиозных подвигах. Лебл поставил эту ситуацию тихой скуки буквально. Как буквально воспроизвел тесноту провинциального домика, поразившую его в Мелихове (“Ставить Чехова на больших пространствах — нелепость, — уверен Лебл. — Тогда вместо человеческого появляется героическое”). Как вообще буквально взглянул на Рос-

сию, нарядив героев в кокошники и меховые унты, наградив их никчемностью и пустыми разглагольствованиями. Только сцена пьянства в доме Иванова получилась, отогнав ненадолго дремоту, неизбежную, когда режиссер все делает буквально, удаляя из спектакля нерв и вообще не очень представляя, зачем он ставит именно “Иванова”.

Похоже, тема слабых мужчин (а именно таким выглядит Иванов Богумила Клепла, который и стреляется-то только потому, что доктор Львов принес пистолеты и один случайно подвернулся ему под руку) сегодня актуальна для восточноевропейских режиссеров. Один из ведущих мастеров польской сцены — Ежи Яроцкий поставил спектакль “Платонов. Пропущенный акт”. Давно не мытый, не брившийся, не трезвееющий, но возбуждающе привлекательный в своей запущенной тоске Платонов (Мариуш Бонашевский), сродни другому знаменитому персонажу — Обломову, и не может заставить себя покинуть — нет, не диван, а продавленный мат в классной комнате. Оскорбленные мужчины хотят его убить, влюбленные, прекрасные и деятельные женщины его просто хотят и приходят к нему одна за другой, чтобы отдался, спасти и даже пропасть вместе с ним.

Этот спектакль — пока один из лучших на фестивале. Если только не вспоминать культовый фильм “Неоконченная пьеса для механического пианино”, и крик Калягина в темноте коридора: “Мне 35 лет. Прошла жизнь”, и арию Доницетти, плывущую над рекой вместе с туманом, и твой восторженный озноб, который может вызвать только искусство и который почему-то находит все реже.

Ольга ФУКС.